РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ И РЕДАКЦИИ «КАЛИЛЫ И ДИМНЫ»

TEXTUAL HISTORY AND MANUSCRIPT TRADITION OF KALILA AND DIMNA

Абдурахмонова Дилдора Рахматилло кизи
Магистрант 1-го курса по специальности «Текстология и литературное источниковедение: арабский язык» Международная академия исламоведения Узбекистана E-mail: dildor0010@gmail.com

Аннотация: *Настоящая статья представляет собой текстологическое и источниковедческое исследование истории редакций, рукописной традиции и путей историко-культурной трансмиссии басенного цикла «Калила и Демна» (в арабской традиции – «Калила и Димна») в арабо-персидской книжной культуре. Рассматривается процесс адаптации индийского сюжетного ядра «Панчатантры» через утраченный среднеперсидский перевод эпохи Сасанидов, сирийские версии и классическую арабскую редакцию Ибн ал-Мукаффы к новоперсидским переводам Бал‘ами, Рудаки, Бухари, Наср-Аллаха Мунши, Кашефи и Абу-л-Фазла ’Аллами. Анализируются древнейшие датированные списки памятника, иллюминированные манускрипты и литографированные издания XIX–XX вв., проблемы стеммatологической реконструкции.*

Ключевые слова: *«Панчатантра», персидская литература, арабская литература, Ибн ал-Мукаффа, текстология, историография, рукописная традиция, литература адаба.*

Abstract: *This article examines the textual history, manuscript tradition, and mechanisms of historical and cultural transmission of the fable cycle Kalila and Dimna within Arabo-Persian literature. It traces the trajectory of the Sanskrit core of the Panchatantra through the lost Middle Persian translation of the Sasanian era, the Syriac recensions, and Ibn al-Muqaffa‘s classical Arabic version to the New Persian adaptations by Bukhari and Nasr-Allah Munshi. Particular emphasis is placed on the codicological paradox of manuscript survival: the earliest extant Persian codices of the 12th century predate the earliest surviving Arabic manuscripts of their prototype.*

Keywords: *Panchatantra, Ibn al-Muqaffa‘, textual criticism, manuscript tradition, lithography, adab literature, cultural transfer.*

Любое академическое исследование распространения «Калилы и Демны» в персидской литературе неизбежно сталкивается с драматическим хронологическим разрывом: с одной стороны, существуют неопровержимые косвенные свидетельства колоссальной популярности басен в Иране начиная с VI века, а с другой – древнейшие сохранившиеся рукописи новоперсидских

версий (Бухари и Наср-Аллаха Мунши) дошли до нас лишь от середины XII столетия.

Стихотворная редакция Рудаки в данном контексте не может служить прямой опорой, поскольку её разрозненные фрагменты сохранились исключительно в позднейших словарях и лексикографических сборниках[15].

Стихотворная редакция Рудаки в данном контексте не может служить прямой опорой, поскольку её разрозненные фрагменты сохранились исключительно в позднейших словарях и лексикографических сборниках.

Поскольку в классическом ирановедении персидская литература справедливо расценивается как становой хребет и ядро иранской культурной идентичности, любая теоретическая попытка протянуть непрерывную нить между утраченным среднеперсидским переводом эпохи Хосрова Ануширвана и дошедшими новоперсидскими памятниками таит в себе серьёзные методологические риски.

Филологическая позиция Франсуа де Блуа. Будучи строгим текстологом, де Блуа рассматривает утраченный среднеперсидский перевод как первообраз и архитипический прототип всех последующих редакций «Калилы и Демны»[16]. Он убеждён, что этот пехлевийский перевод представлял собой «сочинение, строго выдержанное по своему стилю и внутреннему замыслу», принципиально отличавшееся от индийской «Панчатантры» как по архитектонике, так и по содержанию[17].

Де Блуа аргументирует, что раннее персидская словесность характеризовалась простым, ясным и безыскусным слогом, и замечает, что орнаментальная обработка Наср-Аллаха Мунши выглядит аномалией среди дошедших восточных версий, поскольку её витиеватый риторический язык парадоксальным образом ближе по своей пышности к санскритскому стилю.

Социологическая позиция Саида Амира Арджоманда. Напротив, социолог Саид Арджоманд обходит сугубо филологические дискуссии, акцентируя внимание на социальном статусе Ибн ал-Мукаффы как персидского секретаря-чиновника при дворе мусульманских халифов. С этой точки зрения арабское литературное творчество Ибн ал-Мукаффы законно трактуется как прямое продолжение и кристаллизация иранских интеллектуальных и политических традиций, несмотря на то, что формально оно было зафиксировано на арабском языке.

Хронологический разрыв в несколько столетий между косвенными литературными свидетельствами и прямыми датированными манускриптами сам по себе не уникален для исторической филологии. Однако в случае «Калилы и Демны» методологическая сложность возрастает многократно: любая

[15] Storey C. A., de Blois F. Persian Literature: A Bio-Bibliographical Survey. Vol. V/1: Poetry of the Pre-Mongol Period. London: Royal Asiatic Society, 1992. P. 224-226.
[16] Blois F., de. Burzōy’s Voyage and the Origin of the Book of Kalīlah wa Dimnah. London: Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1990. P. 1.
[17] Там же: p.17.

непротиворечивая гипотеза о соотношении среднеперсидского и новоперсидских текстов обязана исчерпывающе учитывать посредническую роль сирийских и арабских версий.

С одной стороны, исторические данные показывают, что в пределах одного и того же языкового ареала нередко параллельно циркулировали как минимум две разные редакции басен. Например, прозаический перевод Бал‘ами создавался параллельно с поэмой Рудаки, поэтому труд Рудаки ни в коем случае нельзя механически воспринимать как простую хронологическую «замену» труда Бал‘ами. Это порождает закономерный вопрос: не более ли логично предположить, что в сасанидскую эпоху также существовало более одного среднеперсидского перевода?

С другой стороны, домодерные исламские общества отличались исключительной полиэтничностью и языковым многообразием. Пространные словарные статьи о «Калиле и Демне» в библиографических монументах Ибн ан-Надима и Кятиба Челеби наглядно доказывают, что между X и XVII веками грамотный читатель на мусульманском Востоке мог свободно выбирать между версиями на различных языках. В этой связи представляется куда более адекватным – пусть это и крайне затруднительно изобразить на плоскости традиционной двухмерной стеммы – признать, что взаимные влияния между санскритской, пехлевийской, сирийской, арабской и новоперсидской традициями были многовекторными, перекрестными и многократно повторявшимися.

Старший сирийский перевод памятника[18] был выполнен непосредственно с утраченного среднеперсидского оригинала и синхронен ему по времени. Напротив, младший сирийский перевод[19] был сделан в X–XI веках с арабской редакции Ибн ал-Мукаффы VIII века. Таким образом, младшая сирийская версия, равно как и новоперсидские труды ал-Бухари и Наср-Аллаха Мунши, генеалогически восходят к тексту Ибн ал-Мукаффы.

Древнейшие датированные рукописи этих пяти ключевых версий, известные науке к началу XXI века, демонстрируют прямую корреляцию между сохранностью манускриптов и изменением социолингвистического статуса сирийского, арабского и новоперсидского языков в качестве престижных языков имперской культуры. Известны лишь считанные единичные списки обоих сирийских переводов[20] древнейший список старшей версии датируется лишь началом XVI века, а младшей – XI веком. Столь скудная источниковая база точно отражает постепенное угасание светской сирийской книжности по мере расцвета и арабизации Аббасидского халифата (750–1258 гг.). Несравненно большее число сохранившихся списков арабской редакции Ибн ал-Мукаффы

[18] Древнейшая сирийская версия издана Г. Биккелем (1876 г.) и Ф. Шультхессом (1911 г.).
[19] The Book of Kalilah and Dimnah, or: The Fables of Bidpai / ed. by W. Wright. Oxford, 1884.
[20] Brockelmann C. Kalīla wa-Dimna // The Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. Vol. IV. Leiden: E. J. Brill, 1978. P. 503-504; Grotzfeld H. Kalila wa-Dimna // Enzyklopädie des Märchens. Bd. VII. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993. P. 889-890.

отражает её исключительную востребованность в арабоязычной среде. Тем не менее, парадоксальным образом не сохранилось ни одной арабской рукописи, переписанной ранее 1200 года. Древнейший сохранившийся арабский манускрипт содержит колофон с датой: джумада II 618 г. х. / июль 1221 г. (Стамбул, библиотека Сулеймание, собрание Ая-София, шифр MS arab. Aya Sofya [AS] 4022)[21]. Этот драгоценный кодекс почти на 130 лет старше знаменитой рукописи, найденной отцом Луи Шейхо в мелькитском монастыре в Ливане (колофон от 6 раджаба 739 г. х. / 18 января 1339 г.)[22].

Выдающийся востоковед Вилферд Маделунг высказал глубокое предположение, что полное отсутствие арабских списков до 1200 года связано с прагматикой книжного дела: поврежденные и ветхие экземпляры светской развлекательно-дидактической литературы не видели смысла реставрировать или консервировать, поскольку городские переписчики могли быстро и дешево изготовить с них свежие списки.

Неугасающий массовый спрос на «Калилу и Демну» объясняет и тот факт, почему этот басенный свод оказался среди первых наборных книг на арабском Востоке. В Египте, где первая книга арабским шрифтом была отпечатана государственной Булакской типографией в 1822 году, арабская версия Ибн ал-Мукаффы непрерывно печаталась как минимум с 1833 года[23]. Более того, начиная с 1835 года в Каире регулярно издавалась «Хомаюн-наме» – классический османский перевод XVI века «Анвар-е Сохайли» Кашефи.

Древнейшие датированные списки полных персидских переводов Мохаммада ал-Бухари и Наср-Аллаха Мунши обладают уникальной особенностью: они были переписаны еще при жизни их августейших покровителей.

1. Единственная дошедшая рукопись перевода Мохаммада ал-Бухари (Стамбул, библиотека дворца Топкапы, MS pers. Y. Yazmalar 777) имеет колофон, датированный раджабом 544 г. х. / ноябрем 1149 г.[24] – временем правления атабека Сайф ад-Дина Гази. Примечательно, что, хотя этот перевод создавался для тюркского патрона в Северном Ираке, Кятиб Челеби в своей энциклопедии даже не упомянул версию ал-Бухари, и нам неизвестно ни одного перевода с неё на староосманский язык.

2. Труд Наср-Аллаха Мунши, посвященный газневидскому султану Бахрам-шаху, напротив, снискал колоссальную славу во всем исламском мире. Основная рукопись (Leithandschrift), положенная М. Минови в основу научного издания текста (Стамбул, библиотека Сулеймание, MS pers. Carullah 1727), датирована

[21] Ибн ал-Мукаффа. Калила ва Демна / под ред. ’А.-В. ’Аззама; предисл. Т. Хусейна. Каир: Дар ал-Ма‘ариф, 1941. Предисловие. С. 21–25.
[22] Ebn al-Moqaffa‘. La version arabe de Kalîlah et Dimnah, ou: Les fables de Bidpai / éd. par L. Cheikho. Beyrouth, 1905. Предисловие. С. 24-25
[23] La version arabe de Kalîlah et Dimnah... / éd. par L. Cheikho. Предисловие. С. 6; Brockelmann C. Kalîla wa-Dimna.. P. 503.
[24] Мохаммад ибн ’Абдаллах ал-Бухари. Дастан-ха-йе Бидпай / под ред. П. Н. Ханлари и М. Роушана. Тегеран, 1982. Предисловие. С. 20; ср. факсимиле в: Gehlhar J. N. Stylistic Analysis of the Development of Literary Persian and Turkish as Seen in Versions of Kalîla wa-Dimna: Ph.D. diss. Edinburgh: University of Edinburgh, 1976. P. 239; ср. P. 232

551 г. х. / 1156 г. – завершена незадолго до кончины Бахрам-шаха в 1157 году[25]. Таким образом, налицо поразительный источниковедческий факт: обе персидские рукописи XII века хронологически древнее самых ранних сохранившихся списков их арабского протографа Ибн ал-Мукаффы.

Этот феномен объясняется не только художественными достоинствами текста, но и социокультурными причинами: книги нередко сохраняются в библиотеках просто как статусные памятники высокой словесности, даже когда перестают служить повседневным чтением. Хотя географическая миграция рукописей на арабском, персидском, сирийском и санскритском языках еще ждет масштабного статистического картирования, отличная сохранность персидских рукописей XII века неопровержимо свидетельствует о стремительном возвышении персидского языка как доминирующего языка высокой придворной литературы далеко за пределами собственно иранского плато.

Исчерпывающая интерпретация арабских и персидских рукописей памятника невозможна без учета иллюминированных списков[26]. Традиция украшения списков «Калилы и Демны» сюжетными миниатюрами столь же древеня, как и сама персидская версия, еще в предисловии к «Шах-наме» Абу Мансура (961 г.) прямо отмечалось, что стихотворная поэма Рудаки X века сопровождалась прекрасными рисунками[27].

Издания басен, печатавшиеся на Ближнем Востоке до 1945 года, демонстрируют, что практика выпуска богато иллюстрированных книг сохранялась и после наступления эпохи коммерческого книгопечатания. В каджарском Иране в период с 1845 по 1909 год литографические типографии выпустили семь иллюстрированных изданий популярной версии Кашефи («Анвар-е Сохайли») и четыре издания текста Наср-Аллаха Мунши, который стал восприниматься интеллектуалами как строгая национальная классика[28]. Лишь первые три каджарских издания «Анвар-е Сохайли» (1845–1850 гг.) были богато украшены 56 черно-белыми литографическими гравюрами каждое; последующие четыре выпуска (1857–1880 гг.) содержали лишь от 7 до 13 иллюстраций[29]. Четыре литографированных издания «Калилы и Демны» Наср-Аллаха Мунши (1865–1909 гг.) отличались стабильностью художественного ряда и содержали от 23 до 26 сюжетных иллюстраций. В 1910-х годах в Тегеране дважды выходила в трех томах адаптированная детская редакция под заглавием «Ахлак-е асаси» («Основы этики»), составленная Мохаммадом ’Али Катузийаном

[25] Кятиб Челеби (Хаджи Халифа). Кашф аз-зунун ’ан асами ал-кутуб ва-л-фунун / изд. Ш. Ялткайа и К. Р. Бильге. Т. 2. Стамбул: Maarif Matbaası, 1943. С. 1508-1509.
[26] North T. The Moral Philosophy of Doni, Popularly Known as the Fables of Bidpai / ed. by J. Butler et al. Ottawa: Dovehouse Editions, 2003. P. 113-179.
[27] Minorsky V. The Older Preface to the Shāh-nāma // Minorsky V. Iranica: Twenty Articles. Tehran: University of Tehran, 1964. P. 266.
[28] Marzolph U. The Lithographed Kalīlah wa Dimnah: Illustrations to Tales from the Kalīlah wa Dimnah and Anwār-i Suhaylī Tradition in Lithographed Editions of the Qājār Period // Islamic Art. 2009. Vol. 6. P. 181-213.
[29] Marzolph U. Narrative Illustration in Persian Lithographed Books. Leiden: E. J. Brill, 2001. P. 233-234.

Техрани, где текст Наср-Аллаха Мунши был гармонично скомпилирован с «Марзбан-наме» и фрагментами поэмы Са‘ди «Бустан»[30].

Ярким арабским примером иллюстрированного памятника XX века служит монументальное издание древнейшей рукописи Ая-София, подготовленное выдающимся египетским филологом ’Абд ал-Ваххабом ’Аззамом в 1941 году к 50-летнему юбилею издательства «Дар ал-Ма‘ариф» в Каире[31]. Вступительную статью к нему написал патриарх арабской литературы Таха Хусейн (1889–1973). Текст ’Аззама был украшен 13 великолепными цветными вклейками с миниатюрами в персидском стиле работы Романа Стрекаловского – русского художника-эмигранта, сотрудничавшего в 1950-х годах с Американским университетом в Каире[32].

Огромная популярность памятника подтверждается сотнями косвенных упоминаний в средневековых арабских и персидских источниках. Однако историк литературы обязан четко разграничивать беллетристические аллюзии на фабулу обрамляющей повести и достоверные исторические свидетельства о происхождении книги.

Это различение тем более важно, что арабские и персидские редакции открываются знаменитой обрамляющей новеллой о проникновении басен из Индии в Иран. Мудрый индийский царь Дабшелим обратился к философу-брахману Бидпаю с просьбой поведать притчи, раскрывающие тонкости науки государственного управления. Когда сасанидский царь царей Хосров I Ануширван (правил в 531–578 гг.) проведал о существовании этого бесценного свода, он направил в Индию искусного придворного врача Борзую с тайным поручением добыть санскритский манускрипт и перевести его на среднеперсидский язык.

В фундаментальном исследовании традиции обрамляющей повести Франсуа де Блуа выявил пять базовых вариантов этой легенды и установил, что легендарный сасанидский мудрец и везирь Бозоргмехр Бохтаган фигурирует во всех пяти редакциях[33]. Де Блуа пришел к заключению, что историческое авторство Борзуи в отношении среднеперсидского перевода остается вполне вероятным, поскольку этот факт невозможно ни окончательно доказать, ни опровергнуть[34]. При этом персонажи Дабшелим и Бидпай представляют собой чисто литературные фигуры, введенные в повествование среднеперсидским переводчиком[35], тогда как Борзуя и Бозоргмехр – подлинные исторические деятели, чьи имена нередко путались переписчиками в арабской и персидской рукописной традиции.

[30] Мохаммади М. Х., Гаени З. Адабийат-е кудакан-е довра-йе машрута (1847-1921). Тегеран: Чиста, 2002. Т. 1. С. 264-265; Т. 2. С. 715-717.
[31] Ибн ал-Мукаффа. Калила ва Демна / под ред. ’А.-В. ’Аззама; предисл. Т. Хусейна. Каир: Дар ал-Ма‘ариф, 1941.
[32] Sadan J. Vine, Women and Seas: Some Images of the Ruler in Medieval Arabic Literature // Journal of Semitic Studies. 1989. Vol. 34, no. 1. P. 139, note 14.
[33] Blois F., de. Burzōy’s Voyage and the Origin of the Book of Kalīlah wa Dimnah. London: Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1990. P. 40-43.
[34] Blois F., de. Burzōy’s Voyage and the Origin of the Book of Kalīlah wa Dimnah. London: Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1990. P. 58.
[35] Там же; P. 22–23.

В науке прочно укоренился консенсус относительно ценности этой повести как исторического свидетельства культурного трансфера между Индией и Ираном. Однако этот консенсус в значительной мере обусловлен тем, что посольство Борзуи в Индию предоставляет исследователям единственный доступный верхнюю хронологическую границу для датировки утраченного санскритского протографа[36]. В то же время в других классических произведениях персидской литературы обрамляющая новелла всегда трактовалась как сугубо художественный прием для композиционной связки разнородных новелл – даже когда в ней выводились реальные монархи (как, например, шах Бахрам V Гур в поэме Низами Гянджеви «Хафт пейкар»).

Все сохранившиеся косвенные свидетельства можно классифицировать по трем ключевым группам письменных памятников: 1. Библиографические своды; 2. Персидская художественная литература (эпос и поэзия); 3. Мусульманская историография.

Исследование рукописной традиции басенного свода «Калила и Демна» выявляет сложную, многовекторную модель историко-культурной трансмиссии, несводимую к линейной генеалогической схеме. Парадокс ранней сохранности персидских автографов и прижизненных списков XII века (Бухари 1149 г. и Наср-Аллаха Мунши 1156 г.) по отношению к дошедшим спискам арабского протографа Ибн ал-Мукаффы (древнейший – 1221 г.) отражает процесс институционализации новоперсидского языка как ведущего языка придворного адаба.

Устойчивость визуального ряда от средневековых миниатюр к литографиям каджарской эпохи, а также широкий корпус косвенных данных в арабо-персидской историографии и библиографии подтверждают центральное место памятника в интеллектуальной истории Ближнего и Среднего Востока.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Ибн ал-Мукаффа. Калила ва Демна / под ред. ’А.-В. ’Аззама; предисл. Т. Хусейна. – Каир: Дар ал-Ма‘ариф, 1941. – 340 с.

2. Кятиб Челеби. Кашф аз-зунун ’ан асами ал-кутуб ва-л-фунун / изд. Ш. Ялткайа, К. Р. Бильге. – Т. 2. – Стамбул: Maarif Matbaası, 1943. – С. 1508–1509.

3. Мохаммад ибн ’Абдаллах ал-Бухари. Дастан-ха-йе Бидпай / под ред. П. Н. Ханлари, М. Роушана. – Тегеран: Ховарезми, 1982. – 356 с.

4. Мохаммади М. Х., Гаени З. Адабийат-е кудакан-е довра-йе машрута (1847–1921). – Тегеран: Чиста, 2002. – Т. 1. – 420 с.; Т. 2. – 810 с.

5. Arjomand S. A. ‘Abd Allah Ibn al-Muqaffa‘ and the Abbasid Revolution // Iranian Studies. – 1994. – Vol. 27, no. 1–4. – P. 9–36.

[36] Pañcatantra: The Book of India’s Folk Wisdom / a new transl. by P. Olivelle. Oxford; New York: Oxford University Press, 1997. P. xii.

6. Blois F., de. Burzōy’s Voyage and the Origin of the Book of Kalīlah wa Dimnah. – London: Royal Asiatic Society, 1990. – 106 p.

7. Brockelmann C. Kalīla wa-Dimna // The Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. – Leiden: E. J. Brill, 1978. – Vol. IV. – P. 503–506.

8. Ebn al-Moqaffaʿ. La version arabe de Kalîlah et Dimnah / éd. par L. Cheikho. – Beyrouth: Imprimerie Catholique, 1905. – 274 p.

9. Gehlhar J. N. Stylistic Analysis of the Development of Literary Persian and Turkish as Seen in Versions of Kalīla wa-Dimna: Ph.D. diss. – Edinburgh: University of Edinburgh, 1976. – 312 p.

10. Grotzfeld H. Kalila wa-Dimna // Enzyklopädie des Märchens. – Bd. VII. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993. – Sp. 888–895.

11. Kalilag und Damnag: Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels / hrsg. von G. Bickell. – Leipzig: Brockhaus, 1876. – 356 S.

12. Kalila und Dimna: Syrisch und deutsch / hrsg. von F. Schulthess. – Berlin: Georg Reimer, 1911. – Bd. 1–2.

13. Marzolph U. Narrative Illustration in Persian Lithographed Books. – Leiden: E. J. Brill, 2001. – 302 p.

14. Marzolph U. The Lithographed Kalīlah wa Dimnah: Illustrations to Tales from the Kalīlah wa Dimnah and Anwār-i Suhaylī Tradition in Lithographed Editions of the Qājār Period // Islamic Art. – 2009. – Vol. 6. – P. 181–213.

15. Minorsky V. The Older Preface to the Shāh-nāma // Minorsky V. Iranica: Twenty Articles. – Tehran: University of Tehran, 1964. – P. 260–273.

16. North T. The Moral Philosophy of Doni, Popularly Known as the Fables of Bidpai / ed. by J. Butler et al. – Ottawa: Dovehouse Editions, 2003. – 338 p.

17. Pañcatantra: The Book of India’s Folk Wisdom / transl. by P. Olivelle. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1997. – 256 p.

18. Sadan J. Vine, Women and Seas: Some Images of the Ruler in Medieval Arabic Literature // Journal of Semitic Studies. – 1989. – Vol. 34, no. 1. – P. 133–152.

19. Storey C. A., de Blois F. Persian Literature: A Bio-Bibliographical Survey. – Vol. V/1: Poetry of the Pre-Mongol Period. – London: Royal Asiatic Society, 1992. – P. 224–226.

20. The Book of Kalilah and Dimnah, or: The Fables of Bidpai / ed. by W. Wright. – Oxford: Clarendon Press, 1884. – 375 p.